

Школа перевода
В. Баканова

ГЛАВА 1

В одиннадцать лет я узнала, что у боли есть вкус. И у каждого он свой.

* * *

Сегодня моя боль отдавала апельсинами. Мы ужинали в «Скампо». Угловой столик. Фешенебельная улица за окном. Ненавязчивые официанты молчаливо разливают шампанское. Три фужера для меня. Два для мужа. На белоснежной льняной скатерти — тарелки со свежей выпечкой и моцареллой. Чуть позже подадут домашнюю лапшу с горошком, обжаренной панчеттой и легким сливочным соусом. Любимое блюдо Джастина. Первый раз он попробовал его лет двадцать назад, когда был по делам в Италии, и с тех пор обязательно заказывал в хороших итальянских ресторанах.

Я отпила шампанского, поставила фужер и посмотрела на мужа.

Он улыбнулся. Лучики морщинок разошлись от уголков глаз. Короткие русые волосы серебрились на висках, но Джастину это шло. Он с небрежной элегантностью умудрялся сочетать потертые рабочие ботинки и дорогие классические рубашки. Стоило ему появиться в каком-нибудь баре, и женщины невольно

■

оборачивались. Впрочем, мужчины тоже — оценивали соперника.

— Не хочешь есть? — спросил муж.

— Подожду, когда лапшу принесут.

Он опять улыбнулся, и я мысленно перенеслась на белый песчаный пляж, почувствовала солоноватый бриз. Второе утро нашего медового месяца. Мы не выходили из бунгало, нежась в мягких хлопковых простынях. Джастин кормил меня апельсинами, и я аккуратно слизывала липкий сок с его мозолистых пальцев.

Пригубив шампанское еще раз, я задержала его во рту и сосредоточилась на пузырьках, щекочущих нёбо.

Я боялась, что она красивее меня, интереснее, лучше в постели. Взвешивала и другие причины, но объяснения не нашла. Мужчины не могут не изменять. Если есть возможность, они ею пользуются. В каком-то смысле последние полгода нашего брака — самый рядовой случай.

Очередной глоток шампанского опять оставил апельсиновое послевкусие.

Джастин расправился с моцареллой, тоже выпил и рассеянно поменял местами столовые приборы.

В двадцать семь лет он унаследовал строительную компанию отца с оборотом в двадцать пять миллионов долларов. Дела шли хорошо, но Джастин не хотел останавливаться. К тридцати четырем годам — когда мы познакомились — он увеличил оборот до пятидесяти миллионов и в ближайшие пару лет собирался подняться до семидесяти пяти. Дело свое он знал отлично, начиная от инженерных коммуникаций и заканчивая отделочными материалами. При этом не отсиживался в кабинете. Первым выезжал на объект и последним возвращался оттуда. Всегда на передовой — вместе с рабочими, подрядчиками.

Его мужская природа покорила меня с самого начала. Джастин чувствовал себя уверенно и в зале совещаний, и на баскетбольной площадке. И с оружием управлялся играючи.

Наши первые свидания прошли в тире. Он учил меня стрелять из мелкокалиберного пистолета. Обнимая сзади, показывал, как обхватывать рукоять, наводить ствол, целиться. Я вздрагивала от каждого выстрела даже в наушниках и сперва попадала в пол или в нижний край мишени. Джастин терпеливо наклонялся ко мне, поправлял хват и, жарко дыша в затылок, объяснял, что не так.

Иногда мы очнуться не успевали, как уже срывали одежду друг с друга в туалете тира. Или на заднем сиденье его внедорожника. Там же, на парковке. Джастин до боли впивался пальцами мне в бедра и настойчиво задавал нетерпеливый, жадный ритм. Я подчинялась, не помня себя от запаха оружия, настоящей мужской силы и желания.

Соль. Порох. Апельсины.

Джастин извинился и отошел в уборную.

Я перемешала лапшу на тарелке, чтобы казалось, будто я ела. Открыла сумочку под столом, вытряхнула на руку четыре белые таблетки, отправила их в рот, запив водой, и опять подняла фужер с шампанским.

К главному событию вечера я приготовилась.

* * *

Пять минут на машине, и мы подъехали к дому — особняку, который Джастин купил, как только подтвердилось, что я беременна. Из кабинета врача муж отправился напрямиком в бюро недвижимости и, договорив-

■

шись о покупке, привез меня посмотреть трофей. Такое своеволие меня не смутило. Наоборот, я прошла по всем пяти этажам и пришла в полный восторг от шикарных деревянных полов и недосягаемых потолков с резным багетом.

Вот что значили пять миллионов долларов. Дом на окаймленной деревьями Мальборо-стрит, залитые солнцем комнаты, чудесная терраса на крыше. А сам район! Красивые здания из красного кирпича, отреставрированные и дружно стоящие бок о бок. До парка рукой подать, и аристократическая Ньюбери-стрит всего в паре кварталов. Район, где самые бедные ездили на «Саабах», няни говорили с французским акцентом, а в частную школу записывали с пеленок.

Джастин дал мне карт-бланш на обустройство гнездышка. Мебель, картины, шторы, ковры. Ему было без разницы. Антиквариат? Дизайнер интерьера? Ради бога. Все, что хочешь. Деньги не проблема. Сделай дом уютным.

И я приступила. Как в фильме «Красотка». Только пришлось дирижировать малярами, декораторами и торговцами антиквариатом. Меня осыпали образцами, а я — беременная на диване — мановением руки заказывала чуть-чуть одного и немного другого. Приятное занятие. Наконец-то нашлось серьезное применение моим художественным навыкам: не лепка бижутерии из серебряной глины, а ремонт целого бостонского особняка.

Головокружительное было время. Компания Джастина строила крупную гидроэлектростанцию. Он летал туда и обратно. Домашние работы шли полным ходом, и мы каждый раз в обнимку смотрели, что нового. Джастин убирал мои волосы назад и утыкался носом мне в шею.

А потом родилась Эшлин. Счастью не было предела. Джастин сиял от радости и показывал фотографии малышки всем подряд. Однажды приехал домой вместе со своими ребятами, бывшими спецназовцами и морскими пехотинцами. Они сняли грязные ботинки в передней и прошли наверх, чтобы полюбоваться на нашу спящую красавицу. Мне дали много полезных советов по пеленанию, а Эшлин попытались научить азбуке Морзе — отрывкой. Джастин сразу предупредил, что не позволит дочери встречаться с их сыновьями. «Учителя» стойко проглотили горькую пилюлю и умильно поглядели на меня в поисках поддержки. Я разрешила им делать все, что угодно, если они сменят подгузник в два ночи. Последовало столько предложений, что Джастин не выдержал и выпроводил приятелей.

Но он был доволен, и я тоже. Все шло замечательно.

Так и должно быть, когда любишь. Общий смех, общие слезы, общие заботы о ребенке, а потом — спустя месяцы — по-настоящему нежный секс и немного другие ощущения, но такие же волшебные.

Джастин часто бывал в разъездах и подаривал меня драгоценностями. Я занималась йогой и ходила по чудовищно дорогим детским магазинам. Частое отсутствие мужа меня не пугало. Со мной была дочь, а вскоре появилась экономка Дина, которая избавила меня от лишних хлопот, и я вернулась в ювелирную мастерскую: моделировать, создавать, обжигать...

Сбавив скорость, Джастин думал, где бы поставить свой «Рейнджровер». У нас на цокольном уровне был гараж — роскошь первой необходимости, — но там стояла моя машина. Охоту за парковочным местом на улицах центрального Бостона муж взял на себя.

Когда мы проезжали мимо дома, я машинально проверила окно Эшлин на третьем этаже. Свет не горел. Странно. Она никуда не собиралась выходить. Может, сидела перед экраном ноутбука. Да, вполне обычно для пятнадцатилетнего подростка. Она могла целый день провести молча, в наушниках и с отсутствующим взглядом.

Наконец нашелся разрыв в колонне припаркованных автомобилей. Быстрый маневр задним ходом, немного вперед — и «Рейнджровер» встал на место. Джастин обошел его спереди и направился к моей дверце.

Последние несколько секунд я нервно сжимала руки на коленях и старалась выровнять дыхание. Вдох. Выдох. Ничего сложного. Потихоньку. Помаленьку.

А если он захочет поцеловать меня в губы? Или за ухом? Или нам просто раздеться, залезть в постель и сделать это? В темноте, с закрытыми глазами. Вдруг я буду постоянно думать о ней? Или вообще не стоит беспокоиться? Муж, отец моего ребенка, со мной. Я победила.

Дверца открылась. Мужчина, с которым я прожила восемнадцать лет, подал мне руку, помог выйти, и мы, не говоря ни слова, пошли по тротуару.

* * *

Джастин остановился перед парадной дверью. Он хотел было ввести код, но застыл, недовольно поморщившись.

— Опять она систему не включила, — буркнул он и бросил взгляд на меня. — Заходи не хочу.

Я посмотрела на кнопочную панель и поняла, что он имел в виду. Замок был электронный. Джастин сам

его установил. Набираешь комбинацию — дверь открывается. Без кода не войдешь. Идеальный вариант для Эшлин, которая часто забывала ключ. Но чтобы система работала, ее нужно было активировать, а это нередко вылетало у дочери из головы.

Джастин повернул ручку, и дверь бесшумно подда-лась.

Настала моя очередь возмущаться.

— Могла хотя бы свет оставить.

Я отпустила руку мужа и прошла вперед, громко цокая шпильками. Без него я держалась на ногах не так уверенно. Интересно, он заметил? Или ему плевать? Добравшись до стены, я нажала первый выключатель. Люстра не зажглась. Я несколько раз пощелкала клавишей — с таким же результатом.

— Джастин... — начала я, но тут же услышала голос мужа:

— Либби...

Раздался смешной хлопок, как будто выстрелили из мелкашки. Что-то зашипело, и тело мужа выгнулось дугой. Я уставилась на него во все глаза: он корчился на цыпочках и, сжав челюсти, мычал от боли.

Запахло паленой кожей.

Потом я заметила мужчину.

Здорового. Выше моего Джастина, то есть за метр девяносто, и массивнее. Одетый в черное, он стоял у входа и держал в руке странный пистолет с прямо угольным дулом. Зеленые конфетти, отстраненно подумала я. На пол падали ярко-зеленые кружочки конфетти, муж продолжал кривляться в страшном танце, а человек в черном сделал шаг вперед.

Он отпустил спусковой крючок. Джастин обмяк и судорожно выдохнул. Потом что-то опять зашипело.

■

Еще и еще раз. Джастин бился в конвульсиях. Я оцепенела, разинув рот и расставив руки в стороны. Комната ходила ходуном.

Муж попытался что-то сказать. Сначала я не поняла, но потом до меня дошло: «Беги».

Я сорвалась с места, метнув умоляющий взгляд на темный пролет лестницы. Лишь бы Эшлин была жива. Там, в своей комнате на третьем этаже. Лишь бы она слушала айпод и ни о чем не подозревала.

Но не успела я сделать и шага, как здоровяк повернулся ко мне. Махом отсоединив угловатый картридж от передней части пистолета, в котором я наконец узнала тазер¹, он бросился наперехват, ткнул оружием мне в бедро и включил ток.

Ногу словно огнем прожгло. Опять запах паленой кожи. Чей-то крик. Возможно, мой.

Все вокруг исчезло. Остались только острая боль и глаза нападавшего. Маска, сообразила я. Черная лыжная маска, а за ней — лицо монстра, который из кошмарного сна проник в дом.

Джастин неуклюже обрушился на громилу и стал колошматить его по спине. Тот слегка повернулся и отработанным движением рубанул мужу по горлу.

Со страшным булькающим хрипом Джастин упал на пол.

Тут моя левая нога отказала, и я тоже повалилась вниз. Потом перевернулась, и меня стошнило шампанским.

Скованная болью и страхом, я подумала о дочери. Только бы он не нашел ее. Только бы не нашел.

¹ Тазер — электрошоковое оружие нелетального действия. Главное отличие от аналогов заключается в способности поражать цель на расстоянии (от 4,5 до 10 м).

Но было поздно.

— Мама! Папа! — закричала Эшлин наверху.

Теряя сознание, я посмотрела на лестницу. Две темные фигуры тащили дочь вниз. Она билась и извивалась.

На мгновение наши взгляды встретились.

Я хотела сказать, что люблю ее, но губы меня не слушались.

Здоровяк в маске снова поднял тазер, спокойно установил новый картридж, прицелился и выстрелил.

Моя пятнадцатилетняя дочь завизжала.

* * *

У боли есть вкус.

И у каждого он свой.

ГЛАВА 2

Ее разбудил звонок мобильного, что было удивительно по двум причинам. Во-первых, она уже давно не работала там, где звонки среди ночи — обычное дело. Во-вторых, это значило, что впервые за последние месяцы ей удалось нормально уснуть.

Тесса Леони поняла, что лежит в постели, вытянув руку на мужнюю половину — словно хотела обнять того, кто умер два года назад. Туман в голове был тяжелее, чем при хронической бессоннице, а телефон продолжал надрываться, пиликаая на все лады. Волевым усилием Тесса перекатилась к прикроватной тумбочке и успела ответить как раз вовремя. Она услышала голос

■

начальника. Очередная неожиданность: он редко звонил сам.

Наконец сон рассеялся, вернулся профессионализм. Тесса выяснила все, что нужно, положила трубку и оделась. Перед выходом она засомневалась: брать оружие или нет? С одной стороны, она не обязана. Уставу массачусетской полиции она больше не подчиняется. Однако на нынешней работе пистолет тоже мог пригодиться. Взвесив обстоятельства, которые обрисовал начальник, включая хронологию и неизвестные факторы, Тесса решилась. Она открыла шкаф с оружейным сейфом, привычным движением покрутила в темноте замок, взяла «глок» и вставила его в плечевую кобуру.

Суббота, 6:28. Можно выдвигаться.

Тесса сунула мобильный в карман куртки и направилась к комнате миссис Эннис — няни, которая давно стала членом семьи.

Там уже горел свет. Как многие пожилые женщины, миссис Эннис будто чувствовала, когда нужна ее помощь, и всегда была на шаг впереди. Сейчас она сидела в кровати с блокнотом в руках, готовая записать любые указания. На ней была длинная фланелевая ночнушка в шотландскую клетку — подарок Софи на прошлое Рождество. Надень она белый чепчик, была бы вылитая бабушка из «Красной Шапочки».

— Меня вызвали, — сказала Тесса, хотя это было и так очевидно.

— Что ей передать? — спросила миссис Эннис.

Она имела в виду Софи, восьмилетнюю дочь Тессы. Потеряв два года назад отчима, девочка боялась упустить мать из виду. Ради дочери Тесса и уволилась из полиции после смерти Брайана. Софи нужна была

уверенность в том, что хотя бы один родитель вернется вечером домой, и новая работа Тессы решала проблему. Корпоративные расследования, как правило, не требовали лишних жертв. Утренний вызов был исключением...

Тесса задумалась.

— Судя по всему, дело срочное, — призналась она. — То есть день-два меня, скорее всего, не будет. Я пока не знаю, что там к чему.

Миссис Эннис слушала молча.

— Пусть пишет мне эсмэски, — наконец сказала Тесса. — Говорить с ней по телефону я, наверное, не смогу, а на эсмэски отвечу.

Довольная своим предложением, Тесса одобрительно кивнула. Главное, чтобы с ней можно было связаться. Неважно как: сделав шаг или нажав кнопку. Софи должна знать, что мама где-то рядом. Того, что случилось два года назад, не повторится. Больше никаких травм.

— Сегодня после гимнастики она могла бы пригласить домой какую-нибудь подружку, — подумала вслух миссис Эннис. — Это бы ее отвлекло.

— Отлично. Постараюсь позвонить до обеда. Самое позднее — вечером.

— Вы за нас не волнуйтесь, — бойко ответила миссис Эннис. Она заботилась о Софи с самого ее рождения, включая долгие годы, когда Тесса дежурила в ночь. Миссис Эннис прекрасно справится и с девочкой, и с хозяйством. — Идите. — Няня махнула рукой на дверь. — С нами все будет хорошо.

— Спасибо, — искренне поблагодарила Тесса.

— Вы там поосторожнее.

— Разумеется.